

Только сейчас Тан Шэнь обратил внимание на свечу, которую зажег ночью. Он с удивлением обнаружил, что свеча, приготовленная для него Ван Чжэнем, почти не коптила и совсем не раздражала глаза! Тан Шэнь слышал, что в управе Цзиньлин продаются подобные свечи. Стоили они баснословно дорого — дюйм на вес золота, и он не ожидал, что Ван Чжэнь подготовит для него именно их.

Ван Цзыфэн... В этот самый момент шисюн Цзыфэн, о котором непрестанно думал Тан Шэнь, рисовал у себя дома.

Когда дворецкий вошел в кабинет и отчитался перед Ван Чжэнем о делах в поместье за день, тот вспомнил:

— Провинциальный экзамен ведь уже начался?

— Да, — ответил дворецкий.

— Вещи ему доставили?

— Все отправили, как вы и велели, молодой господин.

Ван Чжэнь обмакнул кисть в киноварь и произнес мягким, приятным голосом:

— Что ж, тогда через пару дней наведемся разузнать, как поживает мой младший соученик.

Провинциальный экзамен состоял из трех туров, каждый длился по три дня. Первый день отводился на вход в экзаменационный двор, так что сам экзамен занимал лишь два дня.

Как и в случае с начальным экзаменом, самым важным оставался первый тур, за ним шел второй, а третий служил скорее для проформы.

Закончив с первой темой, Тан Шэнь перешел ко второй. На этот раз цитата гласила: «Я также желаю выпрямить сердца людей». Она была взята из «Мэн-цзы · Тэн Вэнь-гун», а полностью фраза звучала так: «Я также желаю выпрямить сердца людей, положить конец ложным учениям, пресечь дурные поступки и искоренить развратные речи, дабы продолжить дело трех мудрецов».

Когда Гунду-цзы спросил «Мэн-цзы»: «Все говорят, будто учитель любит спорить, почему это так?», тот ответил ему этой самой фразой.

«Мэн-цзы» любил спорить вовсе не из прихоти, а от безысходности. Он видел пороки современного ему общества и государства и хотел исправить людские сердца, искоренить ересь, противостоять дурным наклонностям и развенчать лживые речи, чтобы продолжить дело трех древних мудрецов.

«Я также желаю выпрямить сердца людей» — в этих словах крылось истинное призвание «Мэн-цзы».

«Мэн-цзы» всегда утверждал, что человеческая природа изначально добра.

Тан Шэнь долго размышлял и решил зайти со стороны «воспитания и просвещения», чтобы написать сочинение о выпрямлении общественных нравов и наставлении людей на путь добра.

Закончив второе сочинение и аккуратно переписав его набело, Тан Шэнь совсем выбился из сил и мгновенно уснул. Ночью он зажег свечу, перечитал наброски к третьему сочинению и

после долгих раздумий принялся раскрывать тему.

Когда все три сочинения были готовы, шла уже вторая половина последнего дня.

Каким бы крепким ни был человек, каким бы молодым и полным сил ни был юноша, после трех дней в тесной экзаменационной келье он терял всякий человеческий облик.

С трудом преодолевая усталость, Тан Шэнь зажег благовония, присланные Ван Чжэнем. К счастью, провинциальный экзамен отличался от начального: самым невыносимым здесь был не запах нечистот (на экзаменационном дворе имелись отдельные уборные), а кислый пот от немых тел. Благовония помогали хоть немного его заглушить.

Тан Шэнь взглянул на тему стихотворения: на экзаменационном листе красовались четыре крупных иероглифа — «Обычные цветы былых и наших дней».

Тан Шэнь вздрогнул, и сонливость с него как рукой сняло.

«Обычные цветы былых и наших дней»?

Ну и тему выбрал Ученый Ян! И не побоялся же, что она окажется слишком широкой!

Эта фраза принадлежала одному поэту прошлой династии. О чем говорилось в оригинальном стихотворении, значения уже не имело — сами слова «обычные цветы былых и наших дней» охватывали все цветы, когда-либо цвевшие в Поднебесной с древнейших времен до наших дней!

В этот момент Тан Шэнь услышал тихую ругань из соседней кабинки. Сосед на чистейшем шэнцзинском диалекте поносил Ученого Яна на чем свет стоит. Стоило надзирателю подойти ближе, как ругань тут же стихла. Но поскольку первый тур провинциального экзамена подходил к концу, все почти одновременно принялись за стихи, и со всех сторон то и дело доносились судорожные вздохи.

Тан Шэнь тоскливо вздохнул. Сам он был выходцем из технических наук, но помнил немало известных стихов о цветах и легко мог бы вспомнить парочку. Однако на провинциальном экзамене требовалось написать стихотворение из восьми рифм по пять иероглифов в строке. Даже если бы у Тан Шэня и возник соблазн списать чужое стихотворение, чтобы занять первое место и стать Цзеюанем, он просто не смог бы найти стих с подходящей структурой и размером.

Обычное описание цветов, конечно, не содержало бы ошибок, а при должном изяществе слога могло принести неплохой балл. Но Ученый Ян выбрал эту тему явно не для того, чтобы экзаменуемые просто описывали лепестки и бутоны.

К тому же... с его литературными способностями получить высокий балл было вполне реально, но подняться в первые ряды списка за счет заурядного описания цветов казалось невыполнимой задачей.

Внезапно ему на ум пришла строчка: «Опавшие цветы не безучастны к миру, они весной вернутся в землю, чтоб жизнь новым дать цветам!» Глаза его радостно блеснули.

Верно! В будущем люди станут сравнивать учителей со свечами и садовниками, но ведь и в древности поэты делали нечто подобное, используя образ опавших лепестков, возвращающих долг породившей их земле. Он вполне мог зайти с этой стороны и написать стихотворение о «чувствах цветов».

Приняв решение, Тан Шэнь набросал в уме черновик и принялся писать:

Гром грохочет грозно в небесах,

Свет сияет ярко на волнах.

Травы обовьют одну лишь ветвь,

Дождь сбивает цвет со всех кустов.

...

Опали цветы, и скрылся человек,

И сам цветок грустит еще сильнее.

Не вынести, как в грязь его растопчут,

Но вновь весной раскроет душу пред тобой.

Перо Тан Шэня двигалось легко, словно направляемое вдохновением, и стихотворение из восьми рифм по пять иероглифов в строке родилось на бумаге на одном дыхании. Закончив писать, он перенес строки на экзаменационный лист, подул на влажную тушь и вернулся к проверке трех написанных ранее сочинений «багу».

Тан Шэнь вздохнул, прекрасно понимая, насколько трудно будет занять первое место и стать Цзеюанем.

Но в этот раз он обязан войти хотя бы в тройку лучших!

Наконец три дня подошли к концу. Экзаменуемым дали одну ночь на то, чтобы вернуться домой и выспаться перед следующим туром.

Когда надзиратели собрали работы, Тан Шэнь поднял свою корзину с письменными принадлежностями и потянулся к выходу вместе с толпой. Но стоило ему подняться на ноги, как в голове помутилось: усталость, копившаяся все три дня, разом навалилась на него. Пошатываясь, он шел в потоке людей к выходу из Академии экзаменов, и сквозь гул ему показалось, будто кто-то зовет его по имени.

Тан Шэнь обернулся и затуманенным взглядом посмотрел на подошедшего.

Неизвестно из-за кого пошатнувшись в толпе, он споткнулся и упал прямо в объятия этого человека.

Ван Чжэнь слегка опешил, затем приподнял руку, легонько похлопал Тан Шэня по щеке и с улыбкой позвал:

— Младший соученик?

В голове Тан Шэня промелькнула мысль: «Не надо хлопать меня по лицу», и он даже пробормотал это вслух. Однако в следующую секунду, под тихий смех Ван Чжэня, Тан Шэнь крепко заснул. Ван Чжэнь поспешно подхватил его за талию, не дав упасть на землю.

В этот момент подбежал Яо Сань:

— Что случилось с молодым хозяином?

Ван Чжэнь, держа спящего на руках, с улыбкой вздохнул, глядя в небо:

— Уснул!

Примечание автора:

Сосед Ван: — Я впервые держу кого-то на руках, да еще и выговор за это получаю. Ну и что мне с тобой делать, младший соученик?

Сяо Тан: — Хр-р-р...

У ворот Академии экзаменов Шэнцзина бурлил поток расходящихся учеников.

Заметив, что Тан Шэнь уснул, Яо Сань предложил:

— Господин, позвольте мне понести молодого хозяина.

Ван Чжэнь задумался на мгновение, а затем заметил Фэнби, слугу Тан Шэня, который велел кучеру подогнать повозку поближе.

— Не нужно, я сам донесу его до экипажа, — ответил Ван Чжэнь.

Яо Сань хотел было возразить, но благородный вид Ван Чжэня, его изящество и величественные манеры истинного господина из знатного рода лишили его дара речи. Почувствовав собственную неотесанность, Яо Сань не посмел перечить. Решив, что ничего страшного в этом нет, он просто последовал за Ван Чжэнем и молча смотрел, как тот бережно устраивает Тан Шэня в экипаже.

То, что Ван Чжэнь оказался у ворот Академии экзаменов, было чистой случайностью. Ему нужно было уладить кое-какие дела в Академии Гоцзыцзянь, а поскольку Академия экзаменов находилась совсем рядом, он решил заодно провести Тан Шэня. Глядя на спящего юношу, Ван Чжэнь вспомнил его бормотание и невольно улыбнулся, вновь шутливо похлопав Тан Шэня по щеке.

Яо Сань озадаченно уставился на него: это еще зачем?

Ван Чжэнь посмотрел на него и с самым серьезным видом произнес:

— Похоже, у него жар. Ступайте домой и позовите лекаря.

Яо Сань испугался:

— Хорошо!

На этом они распрощались.

Вернувшись домой, Яо Сань поспешил отправить человека за лекарем. Однако шэнцзиньские лекари сейчас были нарасхват: после первого тура провинциального экзамена заболевших сюцаев оказалось без счета. Все медицинские лавки Шэнцзина ломились от людей, и Яо Саню пришлось выложить круглую сумму, чтобы уговорить пожилого лекаря прийти.

Осмотрев больного и пощупав пульс, старик сказал:

— Жар действительно есть, но ничего страшного. Сюцаи провели трое суток в этих грязных и тесных кельях, неудивительно, что силы их истощились. Я выпишу рецепт, пусть примет одно лекарство, когда проснется. Идемте со мной за снадобьем.

Посреди ночи Тан Шэнь проснулся. Выпив отвар, который приготовил Фэнби, он действительно почувствовал, что в голове немного прояснилось.

Немного поев, Тан Шэнь вспомнил кое-что и спросил:

— Брат Яо, когда я выходил из Академии экзаменов, мне показалось, будто у меня начались галлюцинации. Мне почудилось... что я видел шисюна Цзыфэна?

Яо Сань с улыбкой ответил:

— Молодому хозяину вовсе не почудилось. Ван Цюань действительно ждал вас у ворот и даже подхватил, когда вы лишились чувств!

Тан Шэнь: «...»

Это, черт возьми, и правда был Ван Цзыфэн!!!

<http://bllate.org/book/18292/1754509>